

К 90-летию со дня рождения

Великий певец жизни

Незабываемые встречи

Ст. ЗОРАН

Когда думаешь о Горьком и пытаешься осмыслить значение его творчества, перед глазами встают немеркнущие образы его творений. Величаво и грандиозно все, что сделано рукой этого гениального творца, без которого теперь нельзя представить историю литературы.

Как подлинно великий художник, Горький был первооткрывателем действительности в искусстве. Он принес с собой в литературу новое слово, утвердил новые принципы художественного освоения мира. Он встал у колыбели нового художественного метода и, открыв новую страницу в истории мировой литературы, остался непревзойденным.

В своем творчестве он шел собственным путем. Это был путь буревестника революции, гласная новой исторической эпохи, нового класса, еще не отображенного новым видением мира. Впервые в истории литературы художественное творчество определялось марксистским мировоззрением творца, основанное на ясном понимании задач революционной, партийной литературы.

Заблудившись в традициях литературной классики, Горький стал величайшим новатором в литературе. Он разо- понял, что новое может быть великим только тогда, когда вбирает в себя лучшие традиции старого. Под гениальным пером Горького традиция Пушкина и Гоголя, Белинского и Чернышевского, Щедрина и Некрасова, Толстого и Чехова были обогащены новым видением мира. Впервые в истории литературы художественное творчество определялось марксистским мировоззрением творца, основанное на ясном понимании задач революционной, партийной литературы.

Как ни талантливы были ранние рассказы писателя, как ни чудесен был их романтический пафос, однако стать основоположником литературы нового типа Горькому суждено было лишь тогда, когда он сознательно поставил перо свое на службу рабочему классу и его партии, когда он «крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира» (Ленин).

Письма Ленина к Горькому — это высокий образец партийного отношения к художественной литературе. Ленин строго критиковал Горького, когда тот совершал ошибки, колебался в своих политических выступлениях, делал неправильные шаги. Но вместе с тем Ленин глубоко уважал свободу художественного творчества Горького. Критикуя его философские ошибки, Ленин писал: «...Я вполне и безусловно согласен с тем, что в вопросах художественного творчества Вам все книги в руки».

В последнее десятилетие своей жизни, обогатив путь, пройденный им, Горький говорил о себе: «Если бы я был критиком и писал книгу о Максиме Горьком, я бы сказал в ней, что сила, которая сделала Горького тем, что он есть... заключается в том, товарищи, что он первый в русской литературе и, может быть, первый в жизни вот так, лично, понял величайшее значение труда, — образую-

го все ценнейшее, все прекрасное, все великое в этом мире».

Еще юношей почувствовал он величайшую красоту человеческого труда, навсегда полюбил его неповторимую сладость, упивался его величавой симфонией. Проходя свои тяжелые университетские жизни, простой русский юноша-волжанин увидел, сколько силы и таланта скрыто в недрах его народа, темного, забытого, но великого, мудрого. Своими собственными глазами видел он, как бродяги, пьяницы, воры преобразились в минуты труда, чувствуя его облагораживающую силу. Страстно, навсегда возненавидел он мир, лишивший человека святого права на свободный и радостный труд. Он мечтал о человеке свободного труда, мечтал страстно, горячо и создавал своей мечте вдохновенные гимны, полные чудесной романтики.

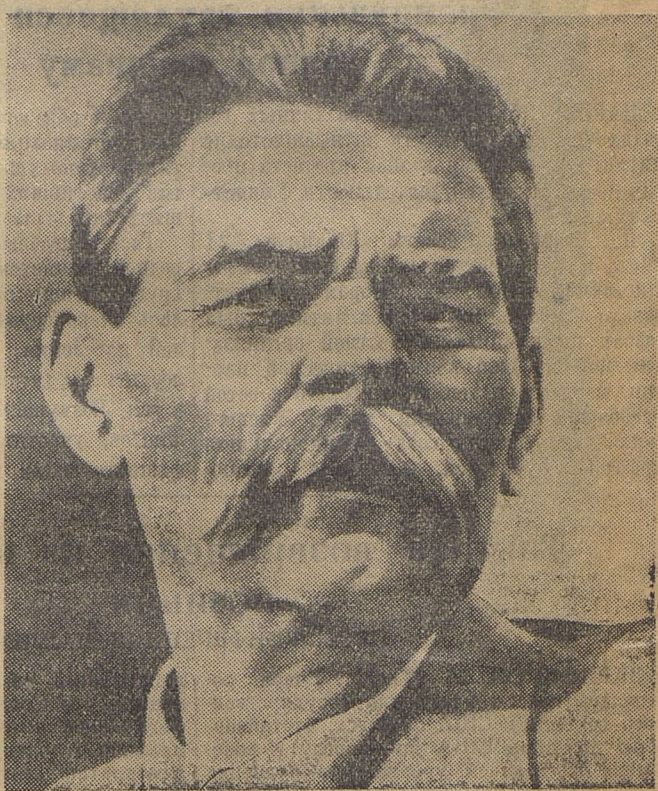
Это было время, когда искры, бросае- мые в народные массы первыми русскими марксистами, уже загорались в рабочих сердцах. На рубеже двух веков Ленин сколачивал партию, призванную повести народ на борьбу за раскрепощение труда. То, о чем мог лишь мечтать молодой Горький, осуществлялось в жизни. Самой логикой своей жизни и своих стремлений, своим особым путем шел Горький к революции, пролетариату, Ленину. И вот встретились они — гениальный вождь, указывающий пути к свободе, к раскрепощению труда, и гениальный художник — певец свободного человека и свободного труда. Они сразу поняли друг друга, стали друзьями, соратниками в своей великой борьбе. В те же Ленин — коммунист — нашел Горький то, что он так страстно искал, к чему тянулась душа художника.

Светлые идеалы коммунизма стали заветными мечтами писателя, а в образах пролетариев-борцов со всей силой воплотились романтические мечты о свободном и прекрасном человеке. Уверенной походкой через горьковское творчество вошел в литературу герой нового типа, человек, которого еще не знала ни мировая история, ни мировая литература. В нем — человек нового типа Павел Власов и Ниле, Рабинчик и Кутузове — соединились и романтические порывы благородного Сокола, и реальные черты «обыкновенного» труженика. Это был подлинный хозяин жизни — реалист и романтик, борец и мечтатель, величавый в своей простоте, гордый своей благородной миссией.

Но дело не только в новом качестве героя, утвержденного горьковским творчеством. Никогда в истории литературы художественное творчество так органически не связывалось с освободительной борьбой народа, с революционным преобразованием мира, как это проявилось в творчестве Горького. В органическом подчинении своего художественного гения делу народа, в бескорыстном служении партии, в ленинском принципе партийности литературы Горький увидел высшее назначение художника, подлинную свободу творчества.

Это и было величайшим открытием, ставшим важнейшей вехой в развитии мирового искусства. Родился новый художественный метод — социалистический реализм.

С беспощадностью большого сатирика обнажал Горький «свинство мерзости действительности» капиталистического общества, хищническое нутро и воцмью мораль мажорных и смолных, скоробогатых и артамоновых, достигавых и вара- вков. Гневно отвергал он затхлый «окуров-

ский» мирок мещанства с его косностью и рутинной, сырым маской мнимой революционности с различного толка самити- ки.

В своем пронзительном взором следил он за тем, как одухотворенная идея Октябрьской революции и крепкая первая в мире страна социализма. Пафосом гордости и величия дышали его слова о «маленьких», но великих в своей устремленности людях нашей страны. «Сколько талантов вызвала к жизни наша эпоха», — восклицал писатель, — «сколько красоты воскресила жизненная сила революции».

Не только принципы нового художественного метода утверждал Горький в литературе. Примером своей жизни, своей борьбы он утверждал новый тип писателя, художника-гражданина, активного участника великой битвы за социализм. Нет, не только певцом жизни был Горький. Он смело вторгался в жизнь, был ее строителем. Всего себя отдавая борьбе за торжество светлых идеалов коммунизма, Горький был беспощаден в своей ненависти к силам международной реакции. Еще задолго до Октябрьской революции зоркий глаз Горького за внешним напомаженным лоском американского империализма сумел разглядеть жестокую силу Желтого Дьявола. А много лет спустя, на склоне своей жизни, повесть он непримиримую борьбу с темными силами фашизма и его заокеанскими подстрекателями.

Враженная Горьким, литература социалистического реализма свято хранит благородные традиции своего великого учителя. И уже не только советские писатели — прямые наследники горьковского творчества, но и переводы литературы многих народов мира идут по пути метода социалистического реализма, утвержденного Горьким. Апри Барбос и Аниса Зегерс, Юлиан Тувим и Поль Элюар, Пабло Неруда и Ян Дра, Лорка Амалу и многие другие имена, без которых невозможно ныне представить прогрессивную литературу нашего века, ощутили на своем творчестве влияние горьковских традиций. Выдающийся деятель китайской культуры Го Мо-жо имел полное право заявить: «Во всей литейной истории китайской литературы не найти никого, кто мог бы соперничать с Горьким в духовном влиянии на китайского писателя».

Ни вражеские воли из-за рубежа, ни новоявленные «теории» модернистского толка не могут поколебать всемирного значения литературы, на знамени которой начертано имя ее основателя и величайшего представителя — Максима Горького. С. МЕЛИК-НУБАРОВ.

Драматургия Горького на армянской сцене

50 лет назад, в 1908 году, в армянском театре была осуществлена первая постановка пьесы М. Горького «На дне». С тех пор драматические произведения великого пролетарского писателя не сходят со сцены армянского театра.

Обращение деятелей армянского театра к драматургии Горького в начале 900-х годов, конечно, не было случайным. Продолжая лучшие традиции классической русской и мировой драматургии, Горький был вместе с тем основоположником новой социалистической литературы, формировавшейся в процессе пролетарского освободительного движения, драматургом нового типа. И демократический армянский театр, оживлявшийся на волнующие вопросы современности, обратился к Горькому прежде всего, как к автору, отражавшему самые насущные, современные общественно-политические вопросы.

Борьба за горьковскую драматургию в армянском театре началась после постановки его пьесы «Мещане» в Московском художественном театре в 1902 г. Уже через два месяца после знаменитой генеральной репетиции «Мещан» в Петербурге делается попытка поставить эту пьесу на армянской сцене. Вторая безуспешная попытка постановки этой же пьесы была сделана в 1907 году.

И хотя до 1908 года деятелями армянского театра, ввиду цензурных преград, не удалось добиться постановки ни одной горьковской пьесы, сведения о драматургии М. Горького появились в армянской печати еще в декабре 1902 года. В рецензиях армянских литераторов на горьковские спектакли МХАТ не только подробно рас- сказывается содержание пьес, но приводятся переводы отдельных сцен и эпизодов из пьес Горького. Фактически освоение драматургии Горького деятелями армянской сцены было начато в первые же годы XX века.

Небезынтересно, что одновременно пьесы Горького появились и на грузинской сцене (в том же 1908 г. «На дне» ставилась и на грузинской сцене). Общие условия общественной жизни и борьбы обуславливали и общность путей развития театрального искусства двух братских народов.

В дореволюционный период армянский театр осуществил более десяти постановок горьковских пьес «На дне». В этих спектаклях участвовали замечательные армянские артисты и режиссеры Ов. Аветян, О. Севумян, Г. Аветян, О. Майсруян, Ис. Алиханян, С. Адамян, Асмик, О. Гулалян, Арус Восканян, Амо Харазян, Л. Калантар и другие.

Одной из славных страниц истории армянского дореволюционного театра являются спектакли «Армянской на- казкой драматической труппы» под руководством Г. Аветяна и Ови Севумяна в 1909 году в Болгарии, в городе Варне, где местная социал-демократическая организация просила армянских артистов сыграть «На дне» на русском языке. Спектакли армянской труппы проходили в клубе социал-демократов, где на занавесе было написано по-болгарски: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Так история постановок «На дне» прямо свидетельствует о том, как горьковская драматургия идейно и организационно солидарна и армянский

1928 год. В жаркий июльский день около пяти часов дня, когда ереванское солнце палило особенно невыносимо, я медленно поднимался по улице Абовяна. Обычно оживленная улица в этот час была почти пустыня.

Жара загнала всех под крыши домов, в спасительную тень. Вокруг было безлюдно и тихо. Вдруг на противоположном углу я заметил большую группу людей, которая шла медленно и, как мне тогда показалось, как-то особенно торжественно. Здесь были наркомы, руководящие работники ЦК и ЦИК. Все они почтительно сопровождали какого-то простого русского человека, который шел впереди и с любопытством присежал переводчик быстрый пылливый взгляд с одного здания на другое и, казалось, даже на вывески магазинов.

Это был человек высокого роста с утомленным лицом, одет он был просто, на голову — простая фуражка. Он был такой высокий, что его спутники едва доставали ему до плеча.

«Кто бы это мог быть? — подумал я, — почему наши комиссары оказывают ему такие знаки внимания. Может быть, это комиссар или какой-нибудь ответственный работник из Москвы...»

Занятый этими мыслями, я вдруг заметил, что Мравян, наш нарком просвещения, пользовавшийся у нас всеобщим уважением, делает мне знак, приглашая подойти. Это удивило меня еще больше, и, теряясь в догадках, я подошел к нему.

— Идем вместе с нами в музей, — предложил он со своей обычной живостью. —

Иллюстрации, одобренные Горьким

Небольшая книжечка в скромном сером переплете. Открыта первая страница и, еще не читая названия, имени ее автора, узнаешь — Горький, «Песня о Буревестнике». Зловещую тьму ночи прорезают молнии, и, раскинув большие и сильные крылья, черной молнией к мрачным тучам взмывает смелый буревестник. Этой изумительной по выразительности иллюстрацией, подписанной — А. Кольцовым, открывался томик Горького «Легенды и баллады», изданный в 1934 году в переводах Е. Чаренца.

Около четверти века назад этими прекрасными иллюстрациями любовалась сам великий автор «Легенд и баллад» Алексей Максимович Горький. Тогда на Всесоюзной выставке книги и графики Максим Горький выразил армянскому графика свое одобрение.

«Художник мастерски передал смелый излет мысли и фантазии, страстный накал чувств горьковских песен и легенд. Умело найденная композиция, скупое использование света